

Виктор Иванов:

Я ВИЖУ В ПРОСТЫХ ЛЮДЯХ ВЫСОКУЮ НРАВСТВЕННОСТЬ

В искусстве художника всегда в той или иной мере отражаются черты его личности, это закономерно, но такое единство творческих устремлений и человеческого характера, какое мы видим у Виктора Ивановича Иванова, встречается нечасто. Редкая цельность натуры отличает этого мастера, поглощенного творчеством, убежденного реалиста, преданного своей идее, никогда, ни при каких обстоятельствах не изменяющего избранному пути. Свое 70-летие Виктор Иванов, народный художник, академик, лауреат, отметил большой персональной выставкой в залах Российской академии художеств.

С полотен В. Иванова смотрят на нас из-под белых платков строгие лица женщин русской деревни; красивые, но суровые, утомленные работой мужики; ясноглазые деревенские ребята. Это портреты жителей деревни на Рязанщине, где большую часть времени живет и работает художник. И землю которой, ее леса, луга и заречные дали запечатлел он в своих эпических пейзажах.

В его картинах повседневная жизнь, быт, нелегкий труд русского крестьянства становятся величавыми и поэтичными, подобно народной песне или былинке. Рождение ребенка, семейная трапеза, труд в поле, похороны и скорбь по усопшему воспринимаются как события, исполненные глубокого духовного смысла. Суровый стиль живописи мастера, мощная лепка формы, резкие тени, внутреннее горение красок приглушенного колорита придают изображенным сценам драматическое настроение, поднимают над обыденностью. Как немногие из художников, Иванов склонен к самоанализу, он философ в искусстве, и беседа наша касается сокровенных сторон творчества.

Выставку в залах Академии художеств открывали два авто-

портрета художника, разделенные сорока годами. На портрете 1953 года — молодой человек с копной черных волос, с внимательным, напряженным взглядом, чем-то напоминающий молодого Сурикова. На портрете 1993 года — тот же пылкий, внимательный взгляд, только седина тронула волосы, больше печали и в глазах, больше мудрости в облике.

— Между двумя автопортретами большая творческая жизнь. Как вы прошли этот путь?

— Признаться, я не чувствую разницы ни в своем ощущении жизни, ни в отношении к искусству. Я с ранних лет определил свой творческий путь. Как только стал художником, почувствовал, что меня волнует судьба людей России. Я испытываю какое-то болевое сочувствие жизни русского человека. Вопрос только в том, чтобы найти художественную форму для выражения своих чувств. Главное, сказать правду, найти точную меру, не приукрасить и не очернить. Ведь в жизни есть черное и белое, сладость и горечь. Увлечешься одним или другим — и выйдет неправда. А истина в гармонии, и я ищу ее, в ней вижу подлинную правду жизни и правду искусства.

Я постоянно испытываю чув-

ство восторга перед человеком, перед природой, перед всеми ее созданиями. Это чувство сильнее моих размышлений, оно бессознательное. Я вижу красоту там, где другие ее, может быть, не замечают. Как художник стараюсь отобразить все лучшее в людях — и физическое, и нравственное. И выразить это в живописи.

— Тем не менее жизнь в ваших картинах предстает в очень суровых красках. В них много печальных сюжетов и мало оптимизма и радостных тонов. Однако известно, что в советский период официально поддерживалось искусство жизнерадостного настроения, подчеркивающее светлые стороны советского образа жизни. Вы, как художник, не испытывали давления?

— Скажу прямо и честно, что все 40 лет судьба дала мне возможность работать так, как я хотел. Я внутренне был свободен. Моя жизнь выпала на то время, когда уже стало ясно, где добро, где зло, где правда, где ложь. И мы, наше поколение, осознали, что художник должен говорить правду. Уже совестно было быть лакированным, оформителем чужих идей. Я старался писать правду так, как ее чувствовал, и искал свою форму в живописи. Конечно, были опасения, что прижмут, снимут с выставки, разругают. И кто-то пасовал перед этими трудностями, или прикрывался ими. Но, повторяю, в своем внутреннем мире творцы были свободны и понимали, что говорить нужно только правду. И делали это каждый в меру своих сил и таланта.

— Расскажите о ваших героях. Вы сами из крестьянской среды?

— Моя мать была из крестьян, а отец горожанин. Я вырос в Москве, здесь учился в школе и институте. Когда закончил учение, то сразу уехал в деревню, на родину моей матери. Там определился мой путь художника. И теперь по полгода живу в селе Исады на Рязанщине. Это очень древнее село, здесь сохранились старинная церковь и, главное, какой-то особый тип лица, как будто направляющую идущий от наших предков: строгие, смуглые лица, с правильными чертами, очень выразительные. Эти люди, их жизнь, природа вокруг — бесконечный источник моего творчества. Я вижу в этих простых людях высокую нравственность, чистоту, трудолюбие. Они ближе к земле и живут в ритме природы, может быть, поэтому их поведение и мышление более правильные. Сейчас многие разочарованы и приходят к неверию в русский народ, считают, что его духовность низка. Я так не думаю. Я не могу отказать от веры в русский народ и просто уверен, что степень духовности русского

крестьянства выше, чем в городе. Это особенно относится к женщине. Мужчина и вправду как-то измелчал, упал духом. А женщина в деревне — носитель нравственного начала, она больше сохранила ответственности за жизнь семьи, за воспитание детей. Она труженица, заботливая хранительница дома. Поэтому русская женщина — главная героиня моих картин.

— На выставке много живописных полотен и рисунков, посвященных женщине. Вот она в труде — на картине «Рязанские луга». Художник дает почувствовать красоту женщины в крестьянском деле, ее уверенную силу, единение со своей землей. Удивительна гармония композиции, ритмичность движений женщины с граблями, горящие на солнце краски. Все это рождает ощутимые музыкальные ассоциации — кажется, что звучит протяжная народная песня. Два огромных полотна — «Крещение» и «Похороны в Исадах» — составляли мощный аккорд выставки. Они трактованы художником с монументальной силой, как великие обряды, отмечающие вехи человеческой жизни.

— Я в молодости мечтал о монументальной живописи, чувствовал в себе призвание к большим настенным росписям. Но не довелось. Я действительно ощущаю жизнь как огромный исторический поток. С годами это ощущение усиливается, наверное, поэтому и форма моя стала более обобщенной, монументальной.

— Среди известных ваших работ — «В кафе «Греко», изображающая группу российских художников в римском кафе. Это не просто жанровая сцена, а глубокое по содержанию произведение. Виктор Иванович, расскажите о создании этой картины и о тех мыслях, что навеяло вам кафе «Греко».

— Картина родилась, когда мы, группа художников России — Г. Коржев, П. Оссовский, Е. Зверьков, Д. Жилинский и я, были приглашены для устройства нашей выставки в Италию. Кто бывал в Риме, знает кафе «Греко», расположенное возле площади Испании. Оно существует уже более 150 лет, и его внутренность, стены, столы, картины сохранились с тех пор. В этом кафе бывали Гоголь, Достоевский, Александр Иванов, другие русские художники. Здесь они вели разговоры, споры об искусстве. Это был центр духовной жизни русских деятелей культуры, проживавших в Риме в прошлом веке. Когда мы посетили это кафе и сели за стол, где когда-то сидели великие творцы, то испытали чувство ответственности, которое теперь легло на нас. Почувствовали, что никакого отпущения грехов не будет. Никаких скидок

на время, на житейские трудности. Теперь наше поколение в ответе за развитие искусства... Вот что я хотел выразить в своей картине.

— Четыре десятилетия творческой работы — немалый срок. За это время в отечественном искусстве многое менялось, прокатывались разные волны, возникали новые тенденции и направления. Но Виктор Иванов неизменно сохранял свои творческие убеждения, свою живописную манеру. Что дает вам силы устоять в водовороте современного искусства? Ваше упорство и твердость характера поражают даже коллег-художников.

— Да, мне иногда говорят: как ты много работаешь! Какой для этого надо обладать волей! Мне это непонятно. Я никогда не заставлял себя работать. Для меня работа художника органична. Я не мыслю своего существования без живописи. А поддерживает меня безусловная вера в реалистические принципы искусства. Только в реализме, в его бесконечном развитии вижу будущее нашего искусства. Важно только, чтобы художник нашел свою эстетическую форму выражения жизненной правды. Я больше всего ценю традицию русского реализма в избирательном искусстве, в котором смысл, сердечность и нравственность всегда впереди художественной формы. Некоторые рассматривают это как недостаток. Я же считаю величайшим достоинством. Я бы хотел быть продолжателем именно этой традиции. Не мыслю себя в отрыве от нее. Быть в русле русской культуры реалистического направления — для меня главное. Быть оторванным — беда.

— Мы знали произведения Виктора Иванова по многочисленным выставкам, всегда узнавали в море жизнерадостной легковесно-импрессионистической «манежной» живописи его строгие, серьезные полотна, его гранную живописную форму. Но только теперь, на выставке в академии, когда раскрылась вся панорама его творчества, стало очевидно, что все сорок лет Виктор Иванов писал одну протяженную во времени картину, посвященную народной жизни, вмещающую весь человеческий путь — от рождения до смерти, от детства до старости, с ее радостями, горестями и терпением. Благодаря творческому труду художника эта жизнь в зримых образах останется в отечественной истории, а его имя войдет в нашу национальную культуру.

Беседу вела
Людмила
КРАМАРЕНКО.

● В. Иванов. «Автопортрет с дочерью».